

12+

Сияние двух миров

Виктория Монахова

Виктория Монахова
Сияние двух миров

«Издательские решения»

Монахова В.

Сияние двух миров / В. Монахова — «Издательские решения»,

Мина — тонкий эмпат, чья чуткость становится проклятием в городе, охваченном серостью и унынием. Попав из нашего мира в иной — с виду абсолютно безупречный, но хранящий мрачную тайну, — она узнаёт: миры не равны, и эта несправедливость грозит разрушить хрупкий баланс Вселенной. Лишь обретя свою истинную любовь — Акира, Мина сможет противостоять угрозе и вернуть утраченную гармонию. Но хватит ли ей сил, чтобы осознать правду, сохранить свою любовь, примирить две реальности и не потерять себя?

© Монахова В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Начало	6
Глава 2. Знакомство	10
Глава 3. Осознание	13
Глава 4. Познание	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сияние двух миров

Виктория Монахова

© Виктория Монахова, 2026

ISBN 978-5-0071-4101-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Начало

Шёл дождь. Тяжёлые и холодные капли без устали барабанили по крышам, по стёклам, по серым тротуарам, словно пытались смыть с города последние остатки света. Для этого мира дождь стал почти обыденностью — привычным застывшим фоном, под который люди пытались жить. Дождливых, пасмурных дней становилось всё больше, а солнце, вероятно, забыло, где находится этот город, и всё реже заглядывало в его угрюмые улицы.

Почему так стало? Бесконечная борьба за территории и природные ресурсы затягивала мир в беспросветную гнетущую серость. Человечество всё глубже погружалось в грусть, злость, зависть и разочарование, и даже воздух словно тяжелел от этих эмоций, становился плотным, почти вязким. Казалось, что сама природа чувствовала всё, что происходит с людьми, живущими здесь, и всем миром в целом.

Даже птицы, когда-то наполнявшие утро звонким щебетом, теперь лишь изредка подавали голос, будто стеснялись нарушать эту удручающую тишину. Порой складывалось впечатление, что им просто больше не хочется петь — не от чего.

Мир, когда-то полный надежд и света, медленно, но верно превращался в тёмный и мрачный, словно кто-то постепенно убавлял яркость, пока от красок не остались лишь тусклые, выцветшие оттенки.

И среди всей этой серой пелены, подобно лучику света, на улице можно было заметить девушку, которая выделялась из толпы не кричащей яркостью, а каким-то особым внутренним светом. Сияние будто шло у неё изнутри, пробиваясь сквозь хмурость дня и на мгновение делая мир капельку светлее.

Это была Мина. Её каштановые, слегка выующиеся волосы словно напоминали людям о былом тепле и солнце, о днях, когда небо не пряталось за плотной завесой облаков. А зелёные оттенки в одежде Миной — лёгкие, как свежая листва после дождя, — идеально перекликались с цветом её глаз: в этой гармонии тёплого изумруда и нежной зелени будто оживала сама память о лете, и даже самые пасмурные дни словно становились чуть яснее.

Мина умела замечать красоту даже там, где её, казалось, и быть не могло. В луже, отражающей серое небо, она видела причудливые узоры; в поникших от дождя цветах — тихую, трогательную стойкость; в редких солнечных лучах, пробившихся сквозь тучи, — маленькое чудо. Несмотря на ненастный день, на её лице играла улыбка — еле заметная, будто она боялась спугнуть это хрупкое чувство, но чистая и искренняя.

Она радовалась простым вещам, как ребёнок: замирала, чтобы подольше полюбоваться птицей, приседала, чтобы рассмотреть крошечный цветок, и делала вид, что завязывает шнурки на своей обуви, лишь бы никто не догадался, что она просто хочет прикоснуться к лепесткам. Иногда она специально медленно шла по аллее, растягивая эти мгновения, позволяя себе на несколько минут забыть о шуме мира и просто быть здесь и сейчас.

Мина была сильным эмпатом. Она невероятно тонко чувствовала эмоции всех людей вокруг и даже переживания самой природы. Ей казалось, что она слышит, как грустит остывший камень у дороги, как тихо плачет клён, роняя капли дождя, и как, вопреки всему, смеётся лёгкий ветер, пробираясь сквозь мокрые ветви. Но она не могла ни с кем поделиться тем, что чувствует: слова казались слишком скудными и плоскими, чтобы передать эту тонкую вибрацию мира, а окружающие её люди — слишком озлобленными и несколько ограниченными, чтобы иметь хотя бы малую возможность всё это понять. Поэтому она так любила быть одна.

Но одиночество это было не от равнодушия к людям, а от невыносимой тяжести чужого эмоционального шума. Мина чувствовала себя невероятно отрешённой и в то же время слишком тесно сплетённой с каждым, кто проходил мимо. Порой её буквально сводило с ума это смешение чувств: тихая печаль старушки, зависть ребёнка, злость прохожего. Она не всегда

понимала, где заканчиваются её собственные эмоции и начинаются чужие, и это сбивало с толку, лишая чувства опоры. Каждый новый день становился для неё настоящей пыткой, и она мечтала лишь об одном — скорее оказаться дома.

Дом был её крепостью, её маленькой вселенной, где можно было хоть на миг выдохнуть и успокоиться, где стены будто впитывали лишний шум и не давали ему добраться до её души. Мина не могла позволить себе даже включить телевизор: там, кроме новостей о новых войнах, катастрофах и природных катаклизмах, ничего не показывали. Каждый репортаж действовал как удар по оголённым нервам, ведь после увиденного приходит печальное понимание неотвратимости плавно надвигающейся бездны.

Единственной отдушиной для неё оставалось перечитывать любимую книгу или пересматривать любимый фильм — о мирах, где добро побеждает зло, где много света, где влюблённые всегда остаются вместе, где счастье не кажется чем-то невозможным. А лучшими друзьями для неё были соседские кот и пёс: в их тихом, спокойном присутствии не было ни фальши, ни напряжения — только умиротворение, тепло и уют.

Но по-настоящему Мина отдыхала лишь ночью, в своих снах. Там она перемещалась в иной мир — волшебное пространство, наполненное покоем и красотой. В том мире солнце никогда не покидало небо, цветы были настолько прекрасны, что от них невозможно было отвести взгляд, а лёгкие пушистые облака переливались нежным мерцающим перламутром. Эти облака словно раскидывали тонкие серебряные нити, которые плавно опускались вниз и окутывали всё вокруг мягким сиянием, стирая границы между небом и землёй. Мина гуляла по этому миру, смакуя каждое мгновение, ощущая абсолютный покой и гармонию. И всё же ей становилось немного грустно: она понимала, что это всего лишь сон. А утром её снова ждал новый день — дождливый, угнетающий, полный чужой боли и серости. Но, несмотря ни на что, Мина всё равно пыталась любить этот мир и хоть ненадолго почувствовать себя счастливой. Пусть это счастье будет скромным, едва уловимым, прячущимся в простых мелочах — всё равно оно дороже бесконечной тяжести страданий.

Часто, прогуливаясь по городу, Мина мысленно ускользала из серой реальности — будто приоткрывала невидимую дверь и шагала в свой волшебный мир, тот самый, что являлся ей во снах. Она так глубоко погружалась в эти грёзы, что собственные мысли становились для неё громче уличного шума, а шёпот фантазий — убедительнее голосов прохожих. В такие минуты она вела тихие диалоги с воображаемыми собеседниками, полностью растворяясь в придуманных пейзажах, и сама не замечала, как её губы едва слышно шепчут ответы, а глаза смотрят не на мокрые тротуары, а куда-то сквозь них — в иные просторы.

Вместо унылого дождя и угрюмых фасадов она видела небеса, натянутые не свинцовыми тучами, а переливами перламутрового сияния — будто кто-то рассыпал по небу тончайшие чешуйки света, и они медленно плыли, меняя оттенки от нежно-розового до глубокого лазурного. Вместо серых луж под ногами расцветали диковинные растения: цветы с лепестками, похожими на шёлковые крылья бабочек, стебли, мерцающие изнутри, словно по ним струился жидкий свет. А среди этой красоты бродили существа, которых не могло существовать в её родном мире: птицы с оперением, переливающимся всеми цветами радуги, звери с глазами, в которых отражались целые созвездия, будто они хранили в себе память о далёких галактиках.

На её лице в такие мгновения светилась улыбка — лёгкая, немного отрешённая, словно Мина видела что-то бесконечно прекрасное, недоступное чужим взглядам. Эта улыбка неизменно приводила в недоумение окружающих: кто-то смотрел на неё с некоторой тревогой, кто-то — с раздражением, а кто-то просто спешил пройти мимо, вероятно, боясь заразиться этой странной, нездешней радостью. Но Мина почти не замечала чужих взглядов: её внутренний мир поглощал её целиком, он становился реальнее того, что было вокруг.

А её тело тем временем продолжало идти привычным маршрутом или, вернее, совсем не привычным, потому что двигалось почти бессознательно, как будто жило своей отдельной,

механической жизнью. Это было похоже на сомнамбулическую прогулку: ноги уверенно ступали по мокрым тротуарам, обходили лужи и выступающие бордюры, но сознание находилось где-то далеко, в перламутровых небесах. Именно поэтому Мина часто проходила мимо своей улицы, не замечая знакомых вывесок и поворотов. Осознание, где она находится, возвращалось к ней внезапно — словно кто-то резко опускал занавес, и волшебный пейзаж исчезал, уступая место серым домам, тусклым фонарям и холодному ветру. Порой она понимала, что заблудилась, только оказавшись в нескольких кварталах от дома, и тогда ей оставалось лишь глубоко вздохнуть, стряхнуть с себя остатки грёз и медленно побрести обратно, чувствуя, как реальность снова плотно смыкается вокруг, нежеланная и неудобная, но всё-таки необходимая.

В один из дней Мине было особенно тяжело. Чужая боль и страдания словно вытягивали из неё все силы, оставляя после себя звенящую пустоту. Она подошла к окну, надеясь хоть немного отвлечься, поймать взглядом что-то простое и спокойное. Но в этот день вид из окна оказался совсем не таким, как обычно. Будто сама природа решила нарушить привычный ход вещей и подарить Мине редкое, почти невозможное чудо. Всё вокруг озарял красивейший переливающийся узор полярного сияния — он струился по небу, то вспыхивая изумрудными всполохами, то растворяясь в лиловой дымке, чтобы через секунду загореться вновь, уже в оттенках глубокого индиго. Мине казалось, что этот свет горит только для неё, что он пробился сквозь плотные тучи и повседневную серость специально, чтобы дотянуться до самых укромных уголков её души, до тех мест, куда давно не заглядывал ни один луч.

На неё нахлынули противоречивые, почти враждебно столкнувшиеся чувства, словно две стихии, которым не было места в одном сердце. С одной стороны, Мину переполняло великое счастье: она любовалась чудом природы, и перед глазами разворачивалось нечто настолько прекрасное, что хотелось просто стоять, едва дыша, боясь спугнуть это мгновение. Переливы полярного сияния сплетались в причудливые формы, будто сама Вселенная рисовала для неё послание из света и тени. Но с другой стороны, на Мину накатывала тяжелейшая волна отчаяния — не её собственного, а чужого, словно пронизывающий ветер, несущий боль множества людей. Этот контраст между ослепительной красотой сияния и этой глухой, безмолвной болью разрывал её изнутри, заставляя сердце сжиматься от беспомощности.

Мина стояла, не отрывая взгляда от небесного танца, и в какой-то миг из её глаз потекли слёзы. Но это были слёзы не от горя или слабости, а от отчаянного желания верить, что где-то действительно существует место, где можно просто быть собой.

«Пожалуйста, пусть где-то будет место, где можно просто дышать, где просто тихо», — вполголоса прошептала Мина, будто обращаясь к этому свету в окне, словно он мог услышать её и ответить.

Настала ночь. Мина снова оказалась в своём волшебном мире, полном покоя и красоты. Но что-то неуловимо изменилось. Ощущения стали ярче, глубже, реальнее. Теперь это было не как смотреть на прекрасный пейзаж через толстое, слегка мутное стекло — теперь она смотрела напрямую, без преград. Даже воздух казался другим: он не просто касался кожи, а будто наполнял её изнутри, был гуще, насыщеннее, словно в нём растворили все оттенки счастья и покоя.

В попытке прикоснуться к листку дерева Мина вдруг по-настоящему ощутила его мягкую, слегка шероховатую текстуру, прохладу и едва уловимую вибрацию жизни. Это было так неожиданно и так прекрасно, что на мгновение у неё перехватило дыхание. Ей безумно понравилось это чувство — натуральность, подлинность всего вокруг. Она продолжала гулять по своему любимому месту, впитывая каждую деталь, будто боялась, что всё это исчезнет, стоит ей только моргнуть.

Минуты незаметно ускользали, но волшебный сон всё не прекращался — он крепко держал её в своих объятиях, сплетая реальность и грёзы в единое полотно.

Спустя некоторое время Мину охватило волнение, а чуть позже — тихий ужас. Она пыталась себя щипать, хлопать по лицу, кричала что-то невнятное в попытке проснуться. Но всё было бесполезно: мир не расплывался, не исчезал, не превращался в привычный сон. Ей начало казаться, что она сошла с ума или что реальность окончательно сплелась с фантазией, и она больше не сможет найти дорогу назад.

Присев на гладкий, чуть тёплый от дневного солнца камень, Мина медленно опустила плечи и принялась дышать — глубоко и размеренно. Её сердце бешено колотилось, будто пыталось вырваться из груди, а вихрь мыслей, кружившийся в голове, никак не желал утихать. Она сидела так ещё несколько часов, наблюдая, как меняется свет вокруг, как тени становятся глубже, а воздух — ещё прозрачнее. Постепенно паника начала уступать место твёрдому осознанию: произошло что-то странное, и она действительно очутилась в своём любимом мире, который раньше казался ей лишь плодом воображения.

Мина встала, расправила плечи и пошла дальше, шаг за шагом исследуя этот новый мир — теперь он казался не призрачным видением, а настоящей, осязаемой реальностью. Она всматривалась в детали, пытаясь уловить хоть намёк на ответы: где она оказалась и почему всё это случилось именно с ней. И вдруг, отбросив страх и привычное непонимание, Мина ощутила, как внутри неё разгорается совсем другое чувство — тёплое, глубокое, почти неведомое. Это было невероятное счастье, сплетённое с покоем, словно все тревоги и сомнения наконец нашли своё место, улеглись, и теперь ничто не мешало ей просто быть собой. Мине показалось, что она наконец-то вернулась туда, где ей суждено находиться, в мир, который её так долго ждал.

Глава 2. Знакомство

Где-то вдалеке, там, где два соседних леса будто расступились, открывая узкую полосу неба, словно щель между мирами, Мина заметила неясный силуэт. Он стоял неподвижно, сливаясь с приглушёнными красками чарующего леса — с зелёной листвой, с бурой корой деревьев, с самой тишиной этого места. И всё же в нём было что-то, что притягивало взгляд, не давало возможности изменить траекторию и пройти мимо.

Подходя ближе, она присматривалась к смутным очертаниям фигуры и с каждым шагом всё отчётливее понимала, что это был мужчина. В тот момент Мина остро почувствовала странную двойственность: с одной стороны, её не покидала тревога — вдруг он опасен? С другой, сквозь эту тревогу пробивалось тихое, почти неуловимое чувство безмятежности, словно само пространство рядом с ним становилось чуть спокойнее. Это противоречие сбивало с толку, заставляло замедлять шаг, прислушиваться не только к шорохам леса, но и к собственному сердцу, которое билось неровно, то быстро ускоряясь, то на мгновение замирая.

Вдруг этот мужчина заметил Мину. Он застыл, не двигаясь, будто секунды вокруг него остановились, меняя привычное течение времени. В его взгляде читалось не столько удивление, сколько глубокое, почти болезненное недоумение — словно он увидел нечто, что не укладывалось ни в его жизненный опыт, ни в привычные законы данного мира. От этого Мине стало ещё более не по себе: если даже он, казавшийся воплощением спокойствия, был выведен из равновесия её появлением, значит, дело было не просто в случайной встрече.

Когда Мина подошла совсем близко, она смогла разглядеть его как следует. Это был молодой мужчина, достаточно высокого роста и крепкого телосложения — в нём чувствовалась сила, не нарочитая, а сдержанная, будто спрятанная за внешней невозмутимостью. Тёмные волосы слегка падали на лоб, а карие глаза казались очень глубокими и почти непроницаемыми. Его простая серая одежда, лишённая каких-либо украшений или ярких деталей, лишь подчёркивала эту отрешённость, словно он намеренно старался слиться с окружающим миром, стать его частью, незаметной и необходимой, как корень дерева или камень у тропы.

Он молча стоял и смотрел на неё, и в этом взгляде не было ни агрессии, ни любопытства в привычном смысле. Он рассматривал её так, будто пытался прочесть не черты лица, а саму суть — понять, каким воздухом она дышит, какой землёй пахнет её след. Было непонятно, что волновало его больше: сам факт её присутствия здесь, в месте, где чужие раньше не появлялись, или то, какой она была — с этими ясными зелёными глазами, в которых, казалось, жила память о солнце, с каштановыми волосами, в которых прятался отголосок тепла, с той особой лёгкостью, с которой она несла себя, несмотря на всю тяжесть мира, оставшегося позади.

— Привет, — неловко сказала Мина, надеясь, что простое слово сможет пробить эту странную тишину и начать хоть какой-то диалог.

— Хм, — вполголоса пробормотал незнакомец, и этот короткий звук прозвучал не как отказ, а скорее как попытка осознать, как вообще можно отвечать на такое обычное, человеческое «привет» в месте, где всё было необычным.

— «Хм»? И всё? — вопросительно произнесла Мина, стараясь скрыть дрожь в голосе за лёгкой иронией.

Они стояли так ещё несколько минут. Молодой мужчина то всматривался в Мину, будто пытаясь уловить малейшее движение её души, то отворачивал голову в сторону, словно прислушиваясь к чему-то, чего Мина не могла ни увидеть, ни услышать. Она не знала, как реагировать: её смущала эта тишина, нарушаемая лишь редкими птичьими криками вдалеке, её тревожило собственное бессилие подобрать нужные слова. И больше всего её беспокоил тот факт, что она не чувствовала никаких эмоций от него — как будто между ними стояла невидимая стена, или же его внутренний мир был настолько мал, что в нём просто не помещались

эмоциональные волны, которые она могла бы уловить. Впервые в жизни чужой покой не приносил ей умиротворения — напротив, он казался пугающей пустотой, в которой можно было навсегда потеряться.

Мина решила не дожидаться от незнакомца какой-то внятной реакции и продолжить свой путь дальше, в одиночестве, туда, где, возможно, она снова сможет почувствовать хотя бы эхо привычных эмоций. Но в этот момент молодой мужчина произнёс что-то на непонятном для неё языке — звуки были плавными, тягучими, словно слова сплетались не из букв, а из оттенков тишины и ветра. И, что самое удивительное, несмотря на полную непонятность этих слов, Мина вдруг ясно осознала: он просит её остаться.

Ещё некоторое время они пытались общаться языком жестов, но это получалось плохо: её резкие, нервные движения и его собранные, выверенные жесты никак не могли найти общий ритм. Мина уже не могла сдерживать эмоций: она возмущённо ходила по кругу, что-то вскрикивала и бормотала, взмахивала руками, пытаясь объяснить жестами, что ничего не понимает — почему она здесь, почему не чувствует его, почему вообще всё это происходит. А он по-прежнему оставался сдержанным и невозмутимым, будто наблюдал за бурей, зная, что рано или поздно ветер стихнет. И это спокойствие, которое раньше могло бы её утешить, сейчас только подливало масла в огонь её растерянности.

В какой-то момент Мина почувствовала лёгкое головокружение — будто земля под ногами на мгновение потеряла твёрдость, а воздух стал насыщеннее, словно в нём растворили сразу все чувства, которые она пыталась удержать внутри. Она остановилась, чтобы перехватить дыхание, закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь вернуть себе ощущение реальности. Немного отдохнув, она снова начала размышлять о произошедшем вслух, и слова, казалось, помогали ей удерживать мир в фокусе.

— Как тебя зовут? — вдруг спросил незнакомец на том же самом языке, который только что звучал как непонятная мелодия. И самое странное было в том, что Мина поняла вопрос. Более того, она вдруг осознала, что сама начинает говорить на этом языке — слова рождались где-то внутри, не требуя перевода, словно всегда знали своё место.

— Меня зовут Мина, — тихо произнесла она, всё ещё находясь в недоумении от того, как легко и естественно прозвучали эти слова на неизвестном языке.

— А меня зовут Акир. То есть, насколько я понял, ты с Верны? — спокойно спросил он. В его голосе не было ни удивления, ни напряжения — только тихая уверенность человека, который, вероятно, привык сталкиваться с необъяснимым и всё равно искать в нём логику.

— С Верны? — уточнила Мина, нахмурившись. — С какой ещё Верны?

— Верна — это другой мир. Точнее, второй мир, твой мир, — неторопливо поведал Акир.

В этот момент дыхание Мины заметно участилось, а по коже пробежал странный неукротимый жар, будто её тело пыталось осознать то, что разум ещё отказывался принимать. В её голове начался самый настоящий хаос мыслей, который она никак не могла остановить: «Акир», «Верна», «Другой мир», «Я всё ещё сплю», «Это не может быть правдой», «Почему я понимаю его слова?». Среди этого шума она смогла вычлени для себя лишь несколько моментов, и они кружились в её сознании, как листья на ветру, не давая ни зацепиться за что-то одно, ни успокоиться.

Акир, в свою очередь, не мешал Мине пребывать в чертогах своего разума. Он не задавал новых вопросов, не пытался заполнить тишину словами, а просто молча и терпеливо ждал, когда она сама будет готова заговорить и продолжить их диалог. В его терпении не было равнодушия — напротив, оно ощущалось как тихая поддержка, как молчаливое обещание: «Не бойся. Ты не одна».

— Я сплю? — уточнила Мина у Акира, вглядываясь в его лицо в поисках хоть какого-то намёка на шутку или подвох.

— Вроде нет. А ты спишь? — спокойно ответил он, не скрывая искренний интерес.

— Вроде не сплю, — заявила Мина, сжимая пальцы в кулаки, чтобы почувствовать твёрдость реальности. — Если мой мир — это Верна, то что это за мир?

— Это Прона — первый мир, — ответил Акир, и в этих словах прозвучала не просто информация, а целая вселенная смыслов, к которой Мина пока не была готова.

— А как я сюда попала? — спросила она, пытаясь разобраться в происходящем и получить простой, понятный ответ, который смог бы вернуть ей ощущение контроля.

— У меня нет ответа на этот вопрос, — спокойно и размеренно ответил Акир. — Нам предстоит с тобой в этом разобраться.

Мина посмотрела Акиру в его карие глаза, и беспокойство, которое сжимало её грудь, стало понемногу покидать её. Его безмятежность больше не казалась пугающей пустотой — теперь она воспринималась как надёжная опора, как тихий берег, к которому можно прибиться после долгого шторма. Она подарила ей недостающую уверенность и чувство защищённости, которого Мина так долго была лишена.

— Не волнуйся, всё будет хорошо, — со свойственной ему сдержанностью сказал Акир, и от его бархатного низкого голоса по всему телу Миной разлилось тепло, мягкое и уверенное, как молодой солнечный луч, пробившийся сквозь тучи.

Она больше не боялась. По крайней мере, в эту минуту.

Глава 3. Осознание

Мина прогуливалась в компании Акира по прекрасному новому миру — по миру, в котором она никогда прежде не бывала и в то же время чувствовала, будто жила здесь всегда. Всё вокруг казалось одновременно незнакомым и до боли родным: каждый изгиб тропинки, каждый оттенок зелени, каждый тихий звук, рождавшийся в этой земле. На время Мина отбросила все вопросы, на которые у неё пока не было ответов, словно здесь и сейчас они не имели никакого значения. Она просто радовалась, как дитя, каждому увиденному цветку, чьи лепестки переливались всеми оттенками аквамарина и сапфира, каждой пролетающей бабочке, чьи крылья напоминали крошечные витражи, каждому шелесту листвы, похожему на шёпот самой природы, и каждой искорке солнечного света, что, пробиваясь сквозь листву, рассыпалась по траве золотыми брызгами.

Она не могла надышаться этим воздухом — таким свежим, таким настоящим, таким естественным, будто он был соткан из самой чистоты мира. В нём не было ни горечи, ни тяжести, ни отголосков чужих тревог — только лёгкость и надежда, прозрачная, как утренняя роса. Вокруг не было никаких эмоций, кроме её собственных, и эта тишина, непривычная, почти звенящая, ощущалась не как пустота, а как пространство, в котором наконец можно было услышать себя, свои собственные чувства. Мысль о том, что её мечта сбылась, что мир, о котором она грезилась всю свою сознательную жизнь, действительно существует и что теперь она — его неотъемлемая часть, словно дарила ей крылья. Если бы не гравитация, она бы уже давно парила в небе, лёгкая, как пёрышко на ветру, растворяясь в этом сиянии.

Акир за всё это время, пока Мина созерцала свою новую вселенную, не произнёс ни слова. Он просто шёл рядом, спокойный и собранный, как будто сам был частью этого мира — его стержнем, его тихим законом. Его молчание не давило, не тяготило; напротив, оно служило надёжной защитой, словно он охранял её полёт, позволяя ей кружиться в восторге, не боясь упасть.

Вдруг, так же внезапно, как во время своих внеземных прогулок в её прежнем мире, Мина снова почувствовала, как тонкая нить грёз оборвалась. Реальность — теперь уже реальность Проны — вернулась, плотная и осязаемая. Она взглянула на Акира. От него по-прежнему не исходило никаких эмоций; в его внутреннем мире царил полный штиль, ровный и безмятежный, как гладь озера в безветренный день. Его уравновешенность, статность и мужественность, приправленные загадочностью, пробуждали в Мине неподдельный интерес. Она никогда ещё не встречала никого похожего — такого близкого по духу и в тот же момент такого недоступного, словно он принадлежал не только этому месту, но и какому-то иному, более таинственному пространству.

— Расскажи мне о своём мире..., — робко попросила Мина, будто боялась потревожить его покой одним лишь звуком своего голоса.

— Что именно тебя интересует? — дружелюбно уточнил Акир.

«Всё! Абсолютно всё!» — хотела выкрикнуть Мина, но сдержалась: ей вдруг показалось, что этот крик прозвучит здесь слишком резко, нарушит гармонию этого места.

— Какой сейчас год здесь, на Проне? — спросила она, стараясь завуалировать свой бесконечный интерес одним простым вопросом.

— Год? Мы не меряем нашу жизнь годами, как жители Верны. Мы исчисляем время другой единицей — сатосом, — рассказал Акир.

— И сколько дней в вашем сатосе? — поинтересовалась Мина.

— Сатос — это временной интервал между абсолютными солнечными затмениями. По вашим меркам это приблизительно десять лет, — ответил Акир.

— Десять лет?! — в голосе Мины прозвучало искреннее изумление. Она на мгновение замерла, осмысливая услышанное, и в её сознании тут же вспыхнули воспоминания о том, как, получается, часто на Верне случается такой праздник, как Новый год. — А у вас есть календарь, как вы понимаете, какой сегодня день? Как понять, что сегодня нужно на работу или что сегодня выходной?

— У нас есть Численник бытия — сводный перечень дней нашей жизни, созданный, чтобы не потеряться во времени. В любом случае, каждый день на Проне — это просто ещё один день. И в этот день мы, как и всегда, делаем то, что должны, то, что нам было определено при рождении, — спокойно и размеренно ответил Акир.

— А на Проне как-то празднуют особые события? Например, тот же день рождения? Много здесь праздников? — спросила Мина, втайне надеясь, что всё не так бездушно, как ей начало казаться.

— У нас есть лишь одно особое событие — Новый сатос, новый цикл нашей жизни. А день чьего-то рождения для нас не событие. Человек родился. Ему случайным образом дали имя и добавили новый пункт в «Единую книгу учёта записей о появлении людей». Также с помощью случайности определили его предназначение на жизненном пути, — будто зачитывая книгу поведал Акир.

От услышанного Мина испытала целую бурю смешанных чувств. Тот факт, что мир, такой красивый и невероятный, оказался одновременно каким-то отстранённым и ограниченным, вызывал в ней и грусть, и сожаление, и даже лёгкую злость. Жители Проны живут в потрясающем месте, полном красоты и возможностей, но при этом лишены самого драгоценного права — права выбора: кем быть, чем заниматься, какой след оставить в этом мире. Их дни текут ровно, словно вода по идеально выверенному руслу: никаких резких поворотов, никаких внезапных перепадов. Праздников не существует — каждый день здесь одинаково обычен, будто специально соткан из логики и порядка. В таком укладе таится великая мудрость — строгая, спокойная, словно высеченная из холодного мрамора. Но вместе с тем в нём живёт и глубокая, почти незаметная тоска.

Мина вспомнила праздники своего родного мира — маленькие, но такие важные события, которые люди берегли, как хрупкие огоньки в темноте. В праздники люди находили в себе силы радоваться и улыбаться, несмотря ни на что. Праздник был поводом сказать тёплые слова, которые в обычный день так и остались бы невысказанными. Это был повод собраться всем вместе, оставив в стороне все хлопоты и проблемы, и просто побыть рядом с теми, кто дорог.

Мина вновь взглянула в бездонные глаза Акира, пытаясь уловить в них хоть малейший отголосок эмоции, хоть что-то, что дало бы ей уверенность в том, что он живой, что умеет чувствовать, что его сердце тоже может биться чуть быстрее. И тогда она решилась задать самый главный вопрос, который волновал её с момента их первой встречи:

— Почему ты ничего не чувствуешь? Или... ты вообще что-то чувствуешь? — встревоженно произнесла Мина, а затем, будто испугавшись собственной смелости, поспешно добавила: — Хотя ничего не отвечай... Я, наверное, спрашиваю глупости... Или нет? Скажи уже что-нибудь...

— Я чувствую ровно столько, сколько мне нужно для жизни, для выполнения своих ежедневных задач. Мы, люди Проны, живём разумом и стараемся избегать любых эмоций. Эмоции — это нестабильные волны, они вносят беспокойство и раздор в наш мир. Вам, людям Верны, этого не понять. У вас всё наоборот, — невозмутимо, словно что-то цитируя, ответил Акир.

В этот момент Мину бросило в лёгкую дрожь. Вот она — разгадка. Дело было не в том, что она разучилась понимать чувства других людей. Просто здесь, на Проне, эмоции сознательно приглушали, почти исключали из жизни, будто накрывали плотным покрывалом, чтобы не нарушать привычный уклад. Мина не знала, что ей делать и что чувствовать: счастье от того, что наконец-то она оказалась в мире без надоевшего нескончаемого эмоционального шума,

или грусть от того, что вместе с шумом исчез и малейший эмоциональный шёпот, который раньше напоминал ей, что все вокруг — живые. Её охватил тихий страх: «А вдруг со временем я и сама разучусь испытывать эмоции?»

— И что? В вашем мире совсем никто ничего не чувствует? — спросила Мина, отчаянно надеясь услышать, что где-то есть хотя бы маленькая деревушка, где люди не боятся своих чувств.

— Иногда, очень редко, такие люди появляются. Но... они быстро понимают, что это неправильный путь, — сказал Акир. В его словах читалась едва уловимая осторожность, будто ему не хотелось развивать эту тему.

И тут Мина уловила в нём крошечную, почти невесомую эмоцию — лёгкую тревожность, похожую на кроткое эхо от капли дождя, упавшей на спокойную воду. Она решила не давить на него вопросами, от которых ему становилось неловко, и оставить их на потом. Впереди было ещё столько всего, столько загадок, на которые ей предстояло найти ответы.

— А что это за язык, на котором я теперь говорю и понимаю, хоть и не знала его раньше? — спросила Мина. В её голосе звучала не просто любознательность, а тихое изумление человека, который вдруг обнаружил в себе неожиданную способность.

— Это язык самой жизни, язык нашей Вселенной — спокойно ответил Акир, будто раскрывал перед ней не тайну, а нечто само собой разумеющееся, просто до поры скрытое от её взгляда. — Его знают абсолютно все люди с рождения — и на Проне, и на Верне. Можно сказать, он «вшит» в нашу общую ДНК.

Он сделал небольшую паузу, словно подбирая слова так, чтобы они легли на душу Мины бережно, не раня, а открывая ей секреты её собственного мира:

— Люди Верны, живя эмоциями, начали делить себя на территории и расы. Они придумали себе множество разных вероисповеданий, обращаясь при этом к одному и тому же боже-ству. А чтобы окончательно перестать понимать друг друга, они создали множество разных языков, словно построили стены из слов. Разум людей Верны с детства приучают к этим искус-ственно созданным языкам, и язык Вселенной им не пригождается. Попав сюда, на Прону, вдохнув наш воздух, услышав в первый раз мой голос, в тебе стартовал процесс пробуждения и осознания себя, в том числе и своего истинного языка.

Мина слушала, и сердце её сперва бешено забилося — так, будто пыталось вырваться из груди, подгоняемое круговоротом новых смыслов. В каждом слове Акира ей чудилась вели-кая, древняя тайна, скрытая между двумя мирами, и от этого осознания кровь стучала в вис-ках, а мир вокруг словно становился чуть прозрачнее, открывая скрытые слои реальности. Но постепенно этот бешеный ритм начал утихать, выравниваться, пока не слился с тихим, ровным ритмом ветра. Она действительно почувствовала себя просветлённой от одной только мысли, что теперь говорит на языке самой жизни. Это знание легло в её душу удивительной почти воздушной лёгкостью. И в этот момент в голове Мины возник ещё один вопрос — крайне важный и волнующий её, такой, от которого внутри всё замирало в трепетном ожидании.

— Ты сказал, что люди Верны придумали себе много разных религий, но Бог всё равно один. А здесь, на Проне, есть религия? Здесь верят в Бога? — кротко, почти шёпотом, спросила Мина. Она старалась касаться этой темы очень аккуратно, будто ступала по тонкому льду, боясь нарушить хрупкое равновесие только что обрётённой ясности.

В её осторожности не было страха — скорее, глубокое уважение к тому, что она пока не могла до конца постичь. Мина никогда не относилась к одной из общепринятых рели-гий своего мира, не искала готовых ответов в чужих обрядах и теориях. Но при этом она ни на мгновение не сомневалась в существовании некой вездесущей могущественной энергии, управляющей всем в этой необъятной Вселенной и питающей всё живое. Ей хотелось познать, как этот новый мир смотрит на великую тайну бытия, получить ответ, который помог бы про-

яснить для неё эту ситуацию, приоткрыть завесу тайны и стать чуть мудрее — не за счёт знаний, а за счёт внутреннего понимания.

— Конечно, — без колебаний ответил Акир. — Мы не просто верим в Высшие силы Вселенной — в Омо, — мы твёрдо убеждены в их существовании. Наша догматика представляет Омо как единое Древо жизни, корни которого уходят глубоко в бесконечность. Это Древо величественное и всемогущее, оно покрыто листьями и цветами всех возможных оттенков. Все люди в мире — это и есть те самые листья и цветы: такие разные, но являющиеся продолжением Древа, неотъемлемой его частью. В каждом из нас есть сила этого дерева. На месте опавших листьев вырастают новые — это и есть течение жизни.

Акир говорил плавно и медленно, словно передавал древнюю мудрость, которую веками хранили его предки, и каждое слово звучало не как сухая догма, а как аксиома, проверенная временем и опытом множества поколений.

Это великое учение будто отворило перед Миной дверь к абсолютной истине, так долго жившей где-то рядом. Оно проникло в её душу легко и непринуждённо, словно там для него всегда было отведено своё место — тихое, укромное, но готовое раскрыться в нужный миг.

Новый мир больше не казался ей неполноценным, лишённым чего-то важного. Напротив, он начал раскрываться перед ней как нечто совершенное — таким, каким, возможно, и был задуман самой Вселенной: истинным, чистым, спокойным, освобождённым от условностей и предрассудков, свободным от фальши и эгоизма. Этот мир был просто другим. И пусть в нём не было привычной бурной палитры эмоций, зато в нём была глубина, которую она только начинала постигать, — глубокая, как корни того самого Древа, о котором говорил Акир.

Глава 4. Познание

Проходя мимо бескрайних лесов, чьи кроны сплетались в плотную ярко-зелёную завесу, Мина всё больше удивлялась необычности Проны. Многое из увиденного она не могла представить даже в самых смелых фантазиях — мир будто был соткан из снов, где привычные законы реальности теряли силу, уступая место чему-то более древнему и мудрому.

По краям тропы то и дело вспыхивали крошечные искорки света — они не горели, а словно дышали, то разгораясь ярче, то едва тлея, будто живые.

— Что это такое светится у дороги? — с любопытством спросила Мина, наклоняясь, чтобы рассмотреть сияние поближе.

— Это обыкновенный жемчужный мох, — спокойно пояснил Акир. — Крошечные ворсинки мха улавливают малейшие колебания света и отражают его так, что кажется, будто по земле бегут крошечные вспышки сияния. Он не любит резких движений: если пройти по нему быстро, мох на время темнеет, а если стоять спокойно — начинает мягко мерцать.

— Да, чего это я? Это же самый обыкновенный жемчужный мох! — смеясь, сказала Мина, понимая, что для жителей Проны в этом чуде нет ничего удивительного. Но её восторг не угасал, а только разгорался с новой силой.

— А это кто такие прыгают по воде? — спросила она, указывая на странных существ, похожих на помесь лягушки и ящерицы. Они скакали по поверхности озера, оставляя за собой светящиеся следы, будто чертили в воздухе тонкие нити света.

— Мы их называем водяными прыгунами, — ответил Акир, и в его голосе мелькнуло едва уловимое тепло — он слегка умилился детской любознательности Миной. — Они всегда там, где вода. Во время своих прыжков они генерируют мощные пучки света, которые очень необходимы для живущих под водой животных и растений.

— А сейчас остановись, пожалуйста, — попросил Акир, слегка замедляя шаг. — Посмотри налево. Видишь вон то высокое дерево с необычной листвой?

— Подожди... Да, я его вижу! — радостно вскрикнула Мина. — Высокое дерево с длинными тонкими листьями и корой, похожей на слои перламутра! Оно тоже чем-то особенно необычно?

— Да, это дерево-эхо. Своими листьями оно может передавать звук на довольно большие расстояния. Скажи что-нибудь, всё, что хочешь, — попросил Акир, желая показать ей волшебство дерева в действии. Ему хотелось снова увидеть, как от радости вспыхнут её глаза, и он сам не понимал, почему это вдруг стало для него так важно.

— Акир! — громко крикнула Мина вдаль. Её голос, чистый и звонкий, будто растворился в воздухе, чтобы тут же обрести новую форму.

Дерево тотчас же начало интенсивно шевелить своими листьями, словно голос Миной запустил какой-то древний механизм. Из кроны дерева медленно и гармонично заструились серебристо-розовые полупрозрачные воздушные нити — они тянулись вперёд, лёгкие, как дыхание ветра, и улетали туда, где их явно кто-то ждал. Вместе с этими нитями доносилось мягкое и певучее эхо, в котором отчётливо слышалось: «Акир». Звук не повторялся механически, а переливался, словно сам воздух пел это имя на разные лады.

Мина была так воодушевлена увиденным, что не смогла сдержать эмоций. Улыбаясь, она подбежала к Акиру и крепко обняла его, как будто хотела отблагодарить за то, что он подарил ей это прекрасное таинство природы. Акир явно не ожидал такого порыва. В момент объятий он даже не шелохнулся, лишь глаза его нервно забегали, пытаясь понять, какой должна быть его реакция на происходящее. Мина вдруг ощутила в Акире явное чувство дискомфорта — оно проскользнуло едва заметной тенью, но отозвалось в ней острой внутренней неловкостью.

Не дожидаясь ни слов, ни объяснений, она тут же чуть отступила, словно хотела дать ему пространство, чтобы эта неловкость не успела превратиться в тяжесть между ними.

— Извини, пожалуйста... Я не знаю... А в твоём мире люди обнима... Хотя, знаешь, неважно, извини, — тихо молвила Мина, так и не найдя в себе храбрости спросить Акира о том, что её по-настоящему волновало.

Акир не смог подобрать слов. В его горле словно застрял ком из привычных ответов.

— Ну, пойдём дальше, — сказала Мина, стараясь разрядить обстановку. — А куда, кстати, мы держим путь?

— В город. Мы идём в город, — ответил Акир, тоже делая вид, что ничего особенного не произошло.

— В город? Отлично! Не терпится увидеть, как выглядят города Проны! — радостно воскликнула Мина, и её глаза снова загорелись предвкушением новых открытий.

Они продолжали свою познавательную для Мины прогулку по просторам нового мира. Акир показывал ей то одно, то другое чудо природы, и каждый раз она смотрела на него с таким неподдельным восторгом, что даже его привычная невозмутимость чуть дрожала, словно тонкая грань между долгом и удивлением.

Вдруг пошёл дождь. Но это был не хмурый, увесистый ливень, знакомый Мине по её родному миру, а яркий, мерцающий дождь, будто небо рассыпало в воздухе тысячи крошечных кристаллов, и они падали вниз, преломляя свет и превращая каждый миг в маленькое волшебство. Мина давно уже не радовалась дождю — в её прежнем мире он чаще приносил сырость и тоску. Но здесь дождь был праздником, живым и сверкающим.

А после дождя на небе появилась радуга. Не такая, как в мире Миной, где цвета постепенно растворялись друг в друге, а гораздо ярче, насыщеннее, будто сама Вселенная решила показать своё самое драгоценное украшение. Свет переливался по этой разноцветной дуге, словно кто-то водил по ней невидимым фонариком — то слева направо, то справа налево, зажигая каждый оттенок по очереди. Цвета не просто соседствовали — они танцевали, сплетались и расходились, создавая иллюзию движения, будто радуга была не статичным явлением, а живым существом, дышащим и чувствующим.

Мина не заметила, как по её щеке покатилась слеза. Это была слеза восхищения — та, что появляется, когда красота становится слишком большой, чтобы уместиться внутри.

— Как же вы можете ничего не чувствовать, глядя на это? — с лёгкой горечью спросила Мина у Акира, будто в её вопросе звучала не только обида за свой мир, но и надежда, что даже здесь, среди строгой гармонии, найдётся место для живого отклика.

Акир промолчал. Он не знал, что ей ответить, ведь слова не складываясь ни в одну подходящую фразу. Акир, как и всегда, просто стоял, едва заметно переваливаясь с ноги на ногу. Он смотрел, как Мина умиляется каждой мелочи, будто действительно видит мир впервые: как дрожит на листе капля росы, как ветер шевелит травинки, как тень от облака медленно ползёт по земле. В её восхищении было столько искренности, столько живой, незамутнённой радости, что любые слова казались лишними. И Акир вдруг понял: иногда самое правильное, что можно сделать, — просто стоять рядом и позволять этому чуду быть. Пусть она собирает этот мир по крупицам, а он будет здесь — тихим, надёжным свидетелем её счастья.

По щеке Миной медленно и робко катилась слеза, и в этой крошечной капельке отражалась частичка яркой радуги, а может быть, и всего бесконечного неба сразу.

«Какая красота... Как она прекрасна», — прошептал Акир мысленно, глядя на Мину. В этот момент он резко испытал страх от того, что смог это прочувствовать. Его сердце забило очень быстро, как будто пожар разгорелся в груди, обжигая привычную невозмутимость. Он начал нервно кашлять и кружиться на одном месте, будто пытался стряхнуть с себя это внезапное чувство, вернуть привычную пустоту, которая раньше казалась ему надёжной опорой.

— С тобой всё хорошо? — быстро подбежав к Акиру, спросила Мина. Она нежно коснулась его плеча своей рукой и почувствовала в нём какие-то перемены. В душе Акира в тот момент не было глухой бесшумной пустоты. Наоборот, в ней то всплесками появлялась запутанная пелена всевозможных эмоций, то почти все эмоции разом покидали её, оставляя после себя звенящую тишину.

Мину посетила робкая надежда. Она с теплотой представила, что такой, ставший для неё уже родным, но одновременно чужой Акир сможет открыться ей, позволить себе быть не только хранителем порядка, но и просто человеком, способным чувствовать.

— Да, всё хорошо, не волнуйся, — уже спокойнее сказал Акир. Он словно насильственно прогнал из своей головы все события и чувства последних минут, возвращая себе привычную собранность.

— Нам пора идти дальше, — незыблемо произнёс он, и от каждого его слова едва появившаяся надежда стала ускользать от Миной, как лёгкий туман под лучами солнца — будто её и не было вовсе.

Бескрайние леса Проны плавно подошли к концу, и Акир с Миной вошли в город. Мина со страстью рассматривала каждый сантиметр пространства, который она проходила, стараясь удержать в памяти каждую деталь, чтобы потом, если придётся, воссоздать этот мир хотя бы в своих воспоминаниях.

Типичный город Проны был совсем не похож ни на один город её мира. Прямые и ровные дороги, словно чёткие линии на чертеже, делили город на равные отрезки и фигуры, создавая ощущение идеальной симметрии, будто сам город был построен по законам высшей математики. Вдоль каждой дороги росли абсолютно одинаковые кустарники одинаковой густоты — никакой спонтанности, всё структурировано и упорядочено, будто природа здесь тоже подчинялась строгим правилам.

Люди, живущие в городе, носили однообразную одежду серых и бежевых оттенков, словно даже не догадывались о существовании других цветов. Они вежливо здоровались, не делая разницы между знакомыми и случайными прохожими: кивок, короткая полуулыбка, пара дежурных слов — и снова вперёд, будто этот маленький ритуал был обязательной частью их общества. Никто не стоял без дела — каждый исполнял свои важные обязанности, точно винтики в одном большом общем механизме. Но за безупречной рутинной и заученными улыбками в душе каждого читалась та самая знакомая безмолвная пустота — тихая, но уверенная.

Все здания имели только чётное количество этажей, которое строго чередовалось: 6, 8, 10, 8 и 6 — и так по кругу, создавая ритмичный узор, который глаз воспринимал как нечто успокаивающее. Между каждым домом располагались аккуратные клумбы, в которых в равных количествах росли цветы всех оттенков радуги, выстроенные не хаотично, а по особой схеме, словно каждый цветок занимал своё строго определённое место в общей картине.

Сами здания не только были абсолютно одной заурядной архитектурной формы, но и будто сливались с окружающим миром: низ домов был зелёным, словно это была живая трава, верх имитировал небо своим голубым цветом, а середина плавно переходила градиентом от зелёного к голубому, стирая границу между постройкой и природой.

— Почему все дома одинаковые? — не удержавшись, спросила Мина, в её голосе звучало не осуждение, а искреннее желание понять логику этого места.

— Чтобы не нарушать гармонию мира, сливаться с природой и не вызывать лишних эмоций, — спокойно ответил Акир.

— А зимой как же? — добавила Мина. — Зимой же природа совсем других цветов?

— Зимой все дома перекрашиваются в белый и серый оттенки, — почти с улыбкой сказал Акир, понимая, что этот факт вызовет у Миной ещё большее недоумение.

— Мда... А люди Верны ещё думают, что их руководство занимается какими-то глупостями... — с нескрываемой иронией произнесла Мина. — Неужели никто не хотел построить

и раскрасить дома как-то по-другому? Как-то поинтереснее? Ведь есть же творчество, архитектура, искусство?

— Искусство? Наше искусство — в геометрии, в порядке, в организованности. Наше искусство не терпит суеты. Искусство на Верне полно хаоса и неопределённости, оно вводит в заблуждение и... оно вызывает эмоции. Людям Проны это не нужно, — как будто с лёгкой грустью пояснил Акир. В этот момент Мине показалось, что в его словах прозвучало не столько убеждение, сколько тень сомнения.

— Эмоции, эмоции... Что же вы так боитесь этих эмоций? Ведь они бывают добрыми и тёплыми... — уже спокойнее сказала Мина, глядя на идеально выверенные линии города и думая о том, сколько тепла может скрываться за кажущимся хаосом её родного мира.

— Любая эмоция — это мощная энергия. Неправильно направленная энергия может привести к разрушению. Ты же с Верны, тебе лучше знать, на что способна эта энергия. Лишь малая доля людей в состоянии держать свои эмоции под контролем. Любая мысль, «подуманная» неправильно, способна вызвать огромные изменения, приводя к страданиям. Поэтому жители Проны борются с этой энергией. Для нас эмоция — угроза, и не важно, положительная она или нет, — рассказал Акир. И хотя он говорил всё тем же ровным, спокойным тоном, на мгновение ему стало казаться, что он уже сомневается в необходимости подобных устоев, будто посмотрел на них не как на истину, а как на выбор — возможно, не единственный.

— И что, ваш народ даже не ругается? Не возмущается? А если кто-то тебя обидит? — в надежде получить вразумительный ответ поинтересовалась Мина.

— Нас с детства учат избегать конфликтов, уступать другому и идти на компромиссы. Но если всё же между людьми случаются некоторые недопонимания, мы должны это обсуждать и договариваться, пока не придём к паритету, — рассудительно ответил Акир.

Услышанная мысль словно внесла ясность в запутанный разум Мины. Ей понравилась эта философия Проны — в ней была своя строгая, почти математическая доброта, стремление не к победе, а к балансу, к равенству.

В какой-то момент она вспомнила былые тихие семейные вечера в своём мире, где все в подробностях рассказывали о том, как прошёл их день, и поддерживали друг друга воодушевляющими словами, как все искренне переживали за своих близких, если вдруг с ними случался какой-то недуг.

— Ну а если твой близкий человек сильно заболит, вы тоже совсем не переживаете? — с тоской спросила Мина, втайне боясь услышать горькую правду, которая могла лишить её последней надежды на то, что где-то возможно полное взаимопонимание.

— К любым событиям мы стараемся относиться терпимо и прагматично. В целом на Проне люди болеют редко: мы не пребываем в стрессе и не испытываем негативных эмоций — соответственно, болезням взяться почти неоткуда. Но если всё-таки кто-то заболит или получит травму, то его наверняка вылечат. В нашем мире нет неизлечимых болезней. Любой недуг исцеляется нашей панацеей — Экветиланом, или экстрактом великого тихого ландыша, — почти что с гордостью поведал Акир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.